

УДК 81.42 Марина Вас. Пименова

(Владимир, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА:

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Стаття присвячена класифікації стійких формул-синтагм (сінкрет), що представляють собою мінімальні одиниці давньоруського тексту.

Ключові слова: синкретизм, формули-синтагми (сінкретими), метонімія, давньоруський текст.

The article focuses on the classification of stable formulas-syntagmas (sinkretem), representing minimum unit of ancient text.

Key words: syncretism, formula-syntagma (sinkretemy), metonymy, Old Russian text.

Необходимо отметить, что лингвисты уже с середины XIX в. обращают внимание на относительно устойчивые лексические единицы древнего текста, использующиеся при описании сходных ситуаций-ритуалов. Б.А. Ларин в работе 1956 г. "Очерки по фразеологии", намечающей системный диахронический подход к изучению устойчивых сочетаний, указывает, что "...в практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов" [9, с. 129]. Однако если на синхронном уровне устойчивые сочетания (фразеологические единицы) изучены последовательно и основательно, имеются фундаментальные синхронные и ретроспективные историко-этимологические словари, то перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена: историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста (и в лучшем случае до XVII в.), в современных продолжающихся толково-переводных исторических словарях (как и в историческом словаре И.И. Срезневского) подобные сочетания приводятся спорадически, не системно. Недостаточная разработанность перспективной линии изучения устойчивых сочетаний объясняется прежде всего тем, что, как отмечает В.М. Мокиенко, "ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не отграничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии" [14, с. 21].

При изучении устойчивых сочетаний в средневековых текстах многие исследователи проводят параллели с современным фразеологическим составом языка, используя для их наименования термины фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразема и предлагая классификации, в основу которых чаще всего положен современный критерий степени семантической спаянности, или аналитичности, компонентов (Н.Л. Антадзе, В.Л. Архангельский, В.В. Виноградов, М.М. Копыленко, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко Г.А. Селиванов, Н.И. Толстой, С.Г. Шулержкова и др.) [2; 5; 9; 14; 20; 24].

С другой стороны, ряд ученых употребляет самые различные терминологические определения для данных единиц, чем имплицитно указывает на их отличие от современных фразеологизмов, хотя среди критериев выделения указываются в большинстве случаев традиционные

"фразеологические" дифференциальные признаки, отличающие фразеологизм, с одной стороны, от слова (раздельнооформленность), с другой стороны, от свободного словосочетания и сочетания слов (нерасчлененность значения или идиоматичность, то есть невыводимость цельного значения из значений составляющих данную единицу компонентов; устойчивость, воспроизводимость, постоянство лексико-грамматического состава, единство синтаксических функций и под.)

Приведем примеры предложенных в разные годы терминов: неизменные/заученные выражения (В.О. Ключевский), украшающие эпитеты (Ф.И. Буслаев), "неотлучные" эпитеты (Е.В. Барсов), формулы (А.С. Орлов), шаблонные сочетания (А.М. Пешковский), стойкие литературные формулы (В.П. Адрианова-Перетц), традиционные устойчивые сочетания/литературные формулы (О.В. Творогов), устойчивые сочетания на метонимической основе (Л.Я. Костючук), выражения/словесные формулы (Д.С. Лихачев), устойчивые словесные комплексы в УСК (А.Г. Ломов), традиционные словосочетания-штампы (Т.Н. Кандаурова), формулы-синтагмы (В.В. Колесов), коллокации (Е.М. Верещагин), формулы-матрицы (Ф.Н. Двинятин), устойчивые формулы (О.П. Лопутько), "синсемическая" комбинация слов, фигуры (*figurae*) (Р. Пиккио) и т.д. [7; 10; 11; 12; 15; 16; 17; 21].

Следует отметить, что каждый из приведенных терминов по-своему справедлив и, безусловно, имеет право на существование, однако все они в большинстве случаев используются изолированно, вне какой-либо терминологической системы.

Мы предлагаем обозначать минимальные лексические единицы древнерусского текста термином синкретемы (корень синкрет- + суффикс -ем-), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами синкрета, синкретизм, синкретсемия, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней в синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема и под.

От современных фразеологизмов (фразем) синкретемы отличаются прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (ментализацию) синкретичное значение, основанное на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц), причем особенности метонимии как переноса по смежности [7, с. 145] определяют следующие частные дифференциальные признаки синкретем: а) регулярность метонимии в относительную лексико-семантическую системность данных единиц (в отличие от метафорической нерегулярности, индивидуальности и вторичности фразеологизмов); б) построение метонимией синтагмы (а не парадигмы) – синтагматический (линейный) характер проявления всех типов отношений между знаками в древнем тексте, определяющий особенности структурно-семантических типов синкретем; в) разработка объема (а не содержания) понятия – особую/преимущественную связь значения с денотатом/денотатами, определяющую особенности семантики отдельных видов синкретем).

Следует отметить, что большинство устойчивых сочетаний древнего текста воспринимается рядом исследователей вне лексико-семантической системы как единичные средства "украшения" в стилистической/риторической функции (В.М. Жирмунский, А.Г. Ломов, Н.Г. Михайловская, И.П. Смирнов, М.Ф. Антонова и т.д.) [11]. Мы вслед за А.А. Потебней, А.М. Пешковским, Б.А. Успенским, В.В. Колесовым и др. считаем, что данные единицы, являясь "строительным материалом" древнего текста, употребляются не в художественной ("украшающей"), а в семантической функции, предполагающей, например, "...разложение восприятия на сходные по

содержанию элементы, из коих один представлен субстанцию, а другой ее деятельностью; это попытка объяснения явления" [19, с. 330]; "...переход действия на объект, ... предмет существует только во время самого действия: дело возникает во время деланья и прекращается вместе с ним, песня ☐ во время пения и т.д." [16, с. 262]; выражение оценочного значения, поскольку данные единицы, "...появляясь вне зависимости от конкретной ситуации, являются признаком непосредственно оценочной (идеологической) позиции автора" [22, с. 23-24]; реализацию понятия собирательного смысла: "индивидуальное и коллективное", "частное и общее", "внутреннее и внешнее", "духовное и материальное", "суть и сущность" [7, с. 145, 166, 203-204] и под.

Синкретема состоит из форм минимум двух лексико-грамматически связанных слов, причем в данной структуре синтагматически (линейно) выражаются все типы отношений между лексическими единицами (не только синтагматические, но и парадигматические, и эпидигматические), в связи с чем мы предлагаем выделять следующие структурно-семантические типы синкретем.

1) Синкретемы парадигматического структурно-семантического типа, соединенные наиболее древней, по мнению А.А. Потемби, паратактической (сочинительной) связью [19, с. 216-217, 248-262]. К данному типу относятся следующие виды: а) парные именованья – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц (чаще существительных), реализующих нерасчлененное значение парности [1] (радость и веселье, небо и земля, хлеб и соль, гуси-лебеди); б) двандва ☐ "модель сочетания формульного типа, удвоение видовых понятий, в котором образуется родовое понятие сакрального смысла" [6], это устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами ("имя + имя": Петръ и Павелъ, Борисъ и Глѣбъ, Петръ и Феврония).

Значение синкретем данного структурно-семантического типа создается либо соединением однородных, рядоположенных сущностей, которые условно можно определить как синонимичные/согипонимичные (лѣпота и красота, честь и слава, краса-баса; Флоръ и Лавръ, Борисъ и Глѣбъ), либо соединением разнородных (противопоставленных ☐ антонимичных) сущностей (небо и земля, северъ и югъ, день и ночь, животь и смерть).

2) Представляющие собой бóльшую часть минимальных единиц древнерусского текста синкретемы синтагматического структурно-семантического типа, соединенные подчинительной связью. Это, во-первых, атрибутивные сочетания ("прилагательное + существительное"): а) словосочетания с постоянными эпитетами (добрый молодец, красна девица, синее море, чисто поле); б) словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (великий князь, святый духъ, божьство слово). Во-вторых, синкретичное значение синтагматического типа выражают глагольные синкретемы: а) описательные глагольно-именные обороты (ОГИО – сътвори миръ, взяти победу, възложити чсть) [8]; б) конструкции с императивом, выражающие благопожелания / проклятия (дажь Богъ, помози Богъ, будь здоров, иди к черту). В-третьих, подобное значение реализуют предикативные конструкции: а) интенсифицирующие (бысть счѣ зла, трусъ же бѣ страшень, бысть радость велика, бѣше в градѣ горестъ смертнаа/печаль горкаа) [12]; б) аксиологические / выражающие оценку (тѣломъ бѣше красень, красень бѣ взоромъ и чистъ душею, съврѣшенъ разумом) [18]. В-четвертых, синтагматическое значение выражают устойчивые сравнительные обороты (аки мѣлния, яко свѣтила, акы волци) [4].

3) Синкретемы эпидигматического структурно-семантического типа, к которому принадлежит единственный вид ☐ этимологические фигуры (figura etymologica) ☐ объединенные общим корнем

(этимоним) имена существительные и родственные им прилагательные/глагольные формы (свет светлый, видеть видение, лъстить лестию, мыслию смыслити) [13].

Следует отметить, что синкретемы варьируются на лексико-грамматическом уровне, вследствие чего каждый из видов может быть представлен несколькими частными структурно-семантическими моделями.

Приведем примеры моделей, по которым образованы глагольные словосочетания: а) продуктивная \square глаг. + сущ. вин. п. (взяти рать, избыть болезнь, дати мудрость, даровати прозърение, прияти вѣсть, творити врѣдъ), б) непродуктивные \square глаг. + сущ. тв. п. (бити челом, глазами покывати, костью пати), глаг. + сущ. дат. п. (сѣмърти предати, книгам разумети) и под.

Наибольшим разнообразием отличается структура этимологических фигур. Ср.: подл. + сказ. (одождит дождь), сказ. + доп. род. п. (добытка добыша), сказ. + доп. вин.п. (мосты мостити), вин.п. внутреннего объекта с переходным глаг. (видети видение), вин.п. внутреннего объекта с непереходным глаг. (пословаше посольство), тв. п. орудия (метлой мести), тв. п. способа (лъстяше лъстием) и др., причем модели, по которым образованы этимологические фигуры, включают в себя и модели других синкретем (постоянных эпитетов/книжных атрибутов \square свет светлый, просветивый свет; глагольно-именных оборотов \square стрелой застрелить, повозы возить, исполчити полки, ряды рядить, воздати воздаяние; парных именовании \square видимая и невидимая, неразумный и безумный), что создает дополнительную системность данного структурно-семантического вида синкретем.

Как мы уже указывали, возникающая в связи с синкретичной "метонимичностью" преимущественная связь значений с денотатом/денотатами предопределяет особенности семантики отдельных видов синкретем.

Так, например, парные именовании указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: мать и отец – 'родители', день и ночь – 'сутки', небо и земля – 'вселенная', шмо и овамо – 'езде', щит и меч – 'оружие' и др.

Словосочетания с постоянными эпитетами указывают на денотат, соответствующий представлениям о том, каким он должен быть, отвечающий норме, стандарту, идеалу (добрый молодец, красна девица, белый свет, белый день, белые руки, буйна голова, цветное платье, синее море, черный ворон, серый волк, бела лебедь, чистое поле, ярый воск, зелено вино, стрелы калѣные, скатный жемчуг, идолище поганое и т.д.).

Словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (УКА), на наш взгляд, представлены двумя основными лексико-семантическими разновидностями.

Словосочетания с УКА первой разновидности (которые с определенной долей условности можно соотносить с современными "ограничительными"/"эллиптическими"/терминологическими и под. сочетаниями "прилагательное + существительное") называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом "родовым". Ср.: ("именно этот/это"): великия князь ('титул верховного правителя Древней Руси') \square князь, сынъ божи ('наименование второго лица святой троицы') \square сын, слово божие ('священное писание') – слово, царствие небесное ('рай') \square царствие, правая вѣра ('православие') \square вера, чърныя ризы ('монашеская одежда') \square ризы, труба

архангелова ('звуковой знак, возвещающий о начале Страшного суда') ☐ труба, зълый съвѣтникъ ('дьявол') ☐ советник, тъма кромѣшная ('ад') – тъма, воровское время ('ночь') ☐ время и др.

Словосочетания с УКА второй разновидности ("описательные"/ "детерминирующие" сочетания) с семантической точки зрения не отличаются от словосочетаний с постоянными эпитетами, поскольку, как и данные единицы, указывают на денотат, представляющий собой то, что должно, являющийся таким, каким он должен быть, соответствующий норме, идеалу. Отличия словосочетаний с постоянными эпитетами и данной разновидности словосочетаний с устойчивыми книжными атрибутами ☐ экстралингвистические, состоящие в том, что словосочетания с УКА имеют в виду идеалы христиански ориентированной личности. Ср. ("именно такой / -ая / -ое / -ие"): благовѣрный/христоролюбивый князь, святая богородица, святое евангелие, святые святители, святые пророки, святые епископы, святая пасха, святая троица, святая молитва, святые иконы, святой соборъ / храмъ, святая церковь, зловѣрный Мамай, безбожные татары и др.

Устойчивые сравнения (с союзами ако, яко, како, чѣто, акы) указывают на денотат, уподобляемый другому, например: акы агньць (свѣтила, сълнце, свѣща, звѣзда, мълния, дъньница, луна) – святой, яко сокол млада ☐ богатырь; ако звери диви (акы волци, акы нѣкаа ехидна) – враги и др. Пейоративные сравнительные обороты предопределены, как правило, библейскими образами "нечистых" животных (нѣ акы свиния въ калѣ грѣховенѣ присно калящесе, акы пѣси на своя блювотины възвращающесе, акы нетопыреве, во тму пруть и др.).

Описательные глагольно-именные обороты связаны с "раздваивающимся" денотатом, например: 'победить' – взяти/створити победу, 'мириться' – сътворити/възяти миръ, 'любить' – любы деяти, 'заплакать' – источити/испустити слезы, 'молиться' ☐ творити/ приносити молитвы, 'согрешить' – грех сотворити, 'верить' ☐ веру яти, 'чествовать' ☐ възложити чѣсть и под.

Этимологические фигуры обозначают качественно и количественно "удвоенный" денотат – объект, существующий только в процессе реализации определенного признака или во время соответствующего действия [16, с. 232], например: свет светлый, жить жизнью, воровством воровать, сослужить службу, взглянуть взглядом, мосты мостить, радоваться радостью и др. П. Бицилли, пишет, что для средневекового восприятия радость "...не просто эмоция, состояние души, или акт радования, но некоторая вещь, присоединяющаяся к этому акту и усугубляющая его" [3, с. 45].

Необходимо отметить, что в современном русском языке функционируют восходящие к древним моделям устойчивые сочетания, которые чаще всего не фиксируются в фразеологических словарях, так как не отвечают одному из основных признаков современных фразеологизмов – метафорической образности. Например: базар-вокзал, пьянка-гулянка, штучки-дрючки [24] (парные именованья), гремит гром, снится сон, варится варенье (этимологические фигуры), черное золото, зачетная книжка, детский сад (устойчивые атрибуты), дать совет, найти решение, одержать победу (ОГИО) и под. Последовательно фиксируются в словарях, пожалуй, только устойчивые сравнения, поскольку данный вид сочетаний представляет собой "развернутую метафору" (как истукан, как угорелая кошка, как прошлогодний снег, как из-за угла мешком прибитый, как кровь с молоком, как по писаному и др.).

В заключение следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с терминологическим наименованием, типологией устойчивых сочетаний по семантике и структуре, их отграничением от свободных словосочетаний, требуют дальнейшего изучения в плане диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2005. – 171 с.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Дону, 1964. – 315 с.
3. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – 167 с.
4. Богрова К.М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2012. – 170 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / Под ред. В.Г. Костомарова. – М., 1977. – 312 с.
6. Жолобов О.Ф. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода / Под ред. В.В. Колесова, О.А. Черепановой. – СПб., 1993. – С. 88-96.
7. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989. – 295 с.
8. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. – М., 2003. – 242 с.
9. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. раб. – М., 1977. – С. 11-42; 125-149.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – 372с.
11. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1969. – 33 с.
12. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X-XV вв.). – Новосибирск, 2001. – 226 с.
13. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. – М., 1895. – 34 с.
14. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // ВЯ. – 1973. – № 2. – С. 21-34.
15. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). – М., 1902. – 50 с.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 5-е изд. – М., 1935. – 452 с.
17. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская. – М., 2003. – 720 с.
18. Пименова М. Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
19. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968. – 551с.

20. Селиванов Г.А. Фразеология Новгородских договорных грамот XIII-XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1953. – 21 с.
21. Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в "Повести временных лет" // ТОДРЛ. – Т. 18. – М.; Л., 1962. – С. 277-284.
22. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М., 1970. – 225 с.
23. Шулежкова С.Г. Состояние и перспективы развития исторической фразеологии // Русский язык: История и современное состояние / Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Дементьева. – Самара, 1999. – С. 73-77.
24. Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48-52.